

го этикета по материалам письменных памятников, позволяющее определить ее особенности на конкретном этапе истории русского языка с учетом жанровой и стилистической специфики анализируемых текстов. В этом плане особой ценностью обладают эпистолярные памятники, в которых непосредственно зафиксированы различные речевые ситуации и соответствующие этикетные средства их выражения.

Наблюдения над языком частной переписки XVII века выявили такую особенность старорусской традиции письменного общения, как существование устойчивой семантической связи между формулами, выражающими разные коммуникативные интенции. К анализу были привлечены письма лиц неодинакового общественного положения: помещиков, представителей духовенства, членов государевой семьи; временной интервал выбран достаточно широкий: целое столетие – однако названные параметры оказываются незначимыми при осмыслении природы этой связи.

Традиционное выражение вежливого побуждения к действию в письмах представляет собой последовательность этикетных оборотов, сопровождающих собственно формулировку просьбы, напр.: *И вамъ бы, Великому Государю, пожаловати, техъ ихъ поместей не велети въ роздачу роздавати...* (от патриарха Филарета своему сыну, царю Михаилу Федоровичу, 1619 г.) [Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ Царскаго семейства. М., 1848. Т. 1. № 25, с. 54-55]; *прошу твоего жалованя пожалуи братецъ Иван Василевич поговори еи чтоб она ко мне пришла...* (от помещика помещику, к. XVII в.) [Котков С.И. 1984, с. 260]; *Пожалуйте... беите челом бга ради радетьно и прилежно ожидая за работу мзды себе от бга* (от земского старосты помещику, 1685 г.) [Грамотки XVII – нач. XVIII в. 1969. № 441, с. 271]. Здесь и далее в примерах графема «ять» заменена на «е»; другие особенности печатных источников сохранены. Следующие высказывания – типичные примеры выражения благодарности: *челом бью на твоемъ гсдря моего жаловане что ты жаловал меня кормил и поил и за тое твою милость мздовоздателъ гсдь бгъ* [Там же. № 215, с. 116-117]; *А что пожаловаль еси, Государь, поволиль мне... божественныя литургии и вечерни слушати... и язъ... на вашемъ жалованье Бога молю, благословляю и много челомъ бью* [Письма... № 354. с. 276]. Нетрудно заметить, что перформативы *прошу* и *челомъ бью*, глаголы, называющие предмет просьбы (*не велети роздавати, поговори*) и предмет благодарности (*что кормил и поил, позволил слушати*), сопровождаются тождественными по значению и даже одними и теми же словами и выражениями, интенсифицирующими вежливость и различающимися только грамматическими характеристиками: *пожалуи* – *пожаловал*, *жалованя* – *на жалованье*, *мзды от бга* – *мздовоздателъ гсдь бгъ*. Условно определим это явление как реализацию «отношений тождества» между этикетными оборотами.

Иной тип отношений представлен между вербальными средствами выражения благодарности и упрека. В письмах отражено буквальное смысловое

противопоставление этих ситуаций: выказывая недовольство, пишущий может слово в слово и в той же последовательности использовать обороты, которые употребляются и в контекстах благодарности, однако в негативной форме: ср. приведенные выше примеры и *не челом бью на твоём жаловане что не жалуеш не пишеш ко мне* [Грамотки... № 22, с. 25]; ср. благодарность *Да спаси бгъ Ивану Шапошникову...* [Там же. № 429, с. 262] – и упрек *на том не спаси тебе бог что напоил пьянова* [Котков С.И., Панкратова Н.П. 1964. № 48, с. 42]. Точно так же вербально и композиционно связаны выражение признания вины и заявление об отказе повиниться, ср.: *...выноват пред богом и тобою гсдрем прогневил сплутал сошол и нне поиман...* [Грамотки... № 146, с. 81], *в том я сирата твоі винаватъ пред тобою гсдрям своим прогневил тебя гсдря что...* [Котков С.И., Панкратова Н.П.... № 47, с. 200] – и *...я гсдрь вины не знаю своеи за што гневъ твои ко мне* [Там же. № 20, с. 74]. Такую связь обозначим как реализующую «отношения противопоставления».

Приведенные примеры двух типов отношений между этикетными способами выражения речевых ситуаций не уникальны, но традиционны для языка писем, причем уже послания XVI века демонстрируют аналогичные связи. «Отношения тождества» обнаружены только среди оборотов – интенсификаторов вежливости, сопровождающих информативную часть высказывания (*пожалуй* – *пожаловал*). Противопоставляться могут как этикетные обороты, собственно выражающие авторское намерение (*челом бью* – *не челом бью*), так и усиливающие вежливость интенции, эмоциональный тон общения (*просьба покажи милость* – упрек *немилость показал* – предупреждение *буде милости не покажешь*). Разумеется, не обязательно каждое этикетное выражение одной ситуации общения имеет коррелят – оборот другой речевой ситуации, однако количество пар и даже рядов семантически связанных формул значительно.

Выявление названных отношений между элементами этикетной системы в старорусском языке ставит перед исследователем ряд вопросов. Во-первых: рассматривать ли обороты, различающиеся грамматически и модально, как употребление одной и той же этикетной конструкции в разных контекстах или как разные формулы, принадлежащие к разным ситуациям общения? Во-вторых: каково происхождение этого явления, а именно, существовали ли подобные отношения среди формул устной речи, или здесь представлена традиция именно эпистолярного общения, или отражено влияние текстов книжных жанров и официально-делового письма? Решение этих вопросов требует обращения к проблеме «литературного этикета» в древне- и старорусской письменности. Литературные формулы – это «сходные описания сходных ситуаций, которые мы встречаем в тексте летописей, воинских повестей, житий» [Творогов О.В. 1964. Т. 20, с. 29]. Рассматривая контексты со значением просьбы, благодарности, упрека и т.д. предельно

обобщенно: как выражение (но не описание) лично важно события – состоявшегося контакта – можно предположить, что в текстах писем отражено устойчивое восприятие ситуации социального взаимодействия, и оно вербализуется в устойчивых формулах общения. При этом все же необходимо четко осознавать, что содержание понятий «литературный этикет» и «речевой этикет» далеко не совпадает; каждое связано с отдельной филологической проблемой, концепцией, принципами отбора и осмысления материала и т.д.; тем не менее, при изучении системы формул эпистолярного общения в письменных памятниках продуктивным и оправданным видится подход, синтезирующий их.